

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В 1793 году в уезде Зибенбюрген, где империя Габсбургов граничила тогда с Османами, в захолустной горной деревне Штрэгешти бесследно исчезли двое мужчин. Такое случилось не в первый раз. Далеко не в первый! О пропадавших там веками мужчинах говорили разное. Но в целом дело обстояло так: крепкие и сильные, воины, путешественники или торговцы, они оказывались там по службе, по воле случая или в поисках убежища, но после их никто никогда не видел.

Местным оставалось только догадываться, что могло с ними случиться. Догадки строили самые разнообразные, иногда житейские, иногда фантастические, а иногда суеверные, но ни одну из них нельзя было считать хоть сколько-нибудь достоверной. Поэтому со временем слухи стали местной легендой.

И только благодаря одному из Людей Льда путники, захавшие в Штрэгешти тем летом, стали последними в длинном списке бесследно пропавших в том краю мужчин.

Люди Льда происходили из северной страны под названием Норвегия, и судьба наделила их способностью бороться с призрачными сущностями, невидимыми для обычных людей. Но никогда еще Людям Льда не приходилось вступать в столь бескомпромиссную и опасную схватку, какая выпала на долю Хейке Линда, проклятого из Людей Льда, в замке Штрегенгги по соседству с одноименной деревней.

Это был странный лес. Он будто бы рос здесь пятьдесят тысяч лет, а потом погрузился в глубокий сон в ожидании Судного дня.

Земля, камни и пни заросли мхом и ползучими растениями, а стволы деревьев оплели завитки плюща, отчего казалось, что лес окутан зеленым, волнистым, мягко подрагивающим саваном. Сравнение с саваном может показаться мрачным и не слишком уместным, но, к сожалению, в данном случае оно подходило практически идеально...

Замшелые ветви деревьев сонно клонились вниз. Не было слышно птиц, даже скромный соловей не осмеливался нарушить вязкую тишину своим прекрасным голосом.

Зибенбюрген — восточный форпост Австро-Венгрии у начала турецких владений. Здесь, на границе миров, обычаев и верований, рождались самые невероятные мифы и страшные истории о вампирах, оборотнях и других

силах тьмы. Эти истории отпугивали пришельцев, только в случае крайней нужды люди отваживались спускаться в эти глубокие и темные лесные долины.

Местное население представляло собой пеструю смесь валахов, мадьяр, саксов и румын, а также потомков других народов, которые знали лучшие времена и вошли в историю как готы, гунны, гепиды и прочие. Но румыны все же составляли большинство, наряду с мадьярами, более известными как венгры.

Сами румыны называли эту землю Ардеал, венгры — Эрдей, а все остальные — Трансильвания, что означает «залесье». Но официальное немецкое название, данное нынешними правителями, Габсбургами, звучало как Зибенбюрген, Семиградье, в честь семи его главных городов.

Древний лес окружал отдаленную горную деревушку под названием Штрегешти. Неизвестно, откуда взялось это название, поскольку здесь в разное время жили разные народы. Одно можно сказать наверняка: итальянское, а следовательно, романское, слово «стреха» означает «ведьма».

Последние пропавшие заплутали в Зибенбюргене при странных обстоятельствах. Это были французские дворяне, барон и его племянник, бежавшие от объявившей их родину революции, которая продолжалась уже четвертый год.

Многие французские аристократы безвременно закончили жизнь на гильотине, но этому вельможе, барону де Конте, посчастливилось избежать ее вместе с племянником по имени Ив.

Хотя, возможно, в их случае гильотина оказалась бы предпочтительнее...

Они боялись оказаться в руках французских повстанцев и, пока не закончилась провизия, не общались вообще ни с кем. По этой причине, двигаясь горными лесами, они покинули территорию Франции незаметно для себя.

Однако революция повергла в смятение всю Европу. Поэтому, опасаясь проблем, барон и его младший родственник удалялись все дальше и дальше на восток в надежде найти подходящее место если не для жизни, то по крайней мере для длительного мирного привала. В швейцарских кантонах и итальянских княжествах было спокойно, и беглецы пересекли границу Австро-Венгрии, по-прежнему никому не доверяя и по возможности избегая контактов.

Так спустя некоторое время они оказались в Зибенбюргене...

Что ж, здесь, безусловно, было тихо! Такого спокойствия и умиротворения, как в этих безмолвных таинственных долинах, они не встречали нигде.

Спускаясь с перевала Муреш на востоке провинции, они заблудились. Барон и племянник, не зная дороги и предпочитая не раскрывать себя перед местными жителями, попали в ту же

ловушку, что и другие исчезнувшие до них. Оказались в Трансильванских Карпатах...

Два дня они преодолевали долину за долиной, и каждая была более глубокой и дикой, чем предыдущая. Время от времени на пути попадались деревни, но из-за языкового барьера они не сумели объяснить, что ищут какой-нибудь город, желательно побольше. Они вознамерились поселиться в этой стране, подальше от революции и гильотин, но все же не в такой глуши!

И вот настал день, когда высоко в горах они в очередной раз выбрали неверную дорогу и вынуждены были спуститься в ущелье столь глубокое, что солнечные лучи едва достигали его дна. За ним был перевал, поднявшись на который французские беглецы оказались в необычном лесу.

Они придерживали лошадей, медленно вдыхая его теплую влажную атмосферу. Тысячелетние на вид, узловатые, тяжелые ветви касались шляп. Мох, свисавший с ветвей, был скользким от времени и спертого воздуха. Не было слышно ни звука, тишина казалась осязаемой и густой.

Лес словно затаил дыхание при появлении путников.

— Поехали вперед, — пробормотал барон, — я хочу есть, а эта дорога куда-нибудь да приведет.

Так и случилось. После получаса езды им внезапно открылась долина, и они увидели деревню.

Долина была просто впадиной между гор, и дороги, кроме той, по которой приехали французы, видно не было. Барон с тоской смотрел вниз. У него вдруг возникло ощущение, что он достиг конца пути...

Деревенские дома стояли плотно, как будто жались друг к другу. Что их пугало? Нависающие горы вокруг? Или что-то еще?

— Дорога не кончается, она ведет дальше, — заметил Ив. — Посмотри, она поворачивает за большим утесом на том конце долины.

— Да, — отрешенно ответил барон, — вот только ею почти не пользуются.

Ив согласился. Колею было почти не разглядеть среди травы. Здесь когда-то действительно проложили дорогу, но очень-очень давно.

Иву стало неудобно, и он пробормотал:

— Похоже, этот жутковатый лес продолжается и по ту сторону деревни.

— Проедем долину насквозь, — сказал барон, — проверим что и как. Возможно, придется вернуться этой же дорогой, что, конечно, не особенно заманчиво. Мне не нравится эта сырость, да и путники на перекрестках уже давно не попадались. Однако, раз уж мы здесь, перекусим и переночуем в этой деревне. Утро вечера мудренее, выспимся — и в путь с новыми силами.

Ив не стал возражать, и они поехали дальше по узкой извилистой дороге, которая на самом деле была просто тропой.

Это были знатные господа с чувством собственного достоинства и импозантной внешностью, у них были острые ястребиные носы и черные глаза. Во Франции они вели праздную жизнь, весьма распущенную в нравственном отношении, как и большая часть тогдашней аристократии. Но долгое и трудное путешествие по Европе сделало из изнеженных надменных господ настоящих мужчин. Ну почти. Они прихватили с собой изрядную часть своих сокровищ, поэтому намеревались свободно тратить средства и ни в чем не нуждаться. Но что толку от золота в пустынной горной стране? Они везли ценности зашитыми в пояса и не трясли мошной перед незнакомцами, дабы не быть убитыми ради бриллиантов. Поначалу питались тем, что взяли с собой, но припасы уже давно закончились, а долгая езда верхом сильно выматывала. Оба были раздражены от голода и усталости, главным образом потому, что вся эта езда не приближала их к желаемому месту назначения.

Атмосфера леса, по которому они ехали, давила на плечи, как промокший плащ.

Они снова остановились осмотреть окрестности, на этот раз значительно ближе к деревне.

В небе летали два черных ворона. Французы проследили за ними. Птицы взлетели с большого утеса, который мрачно возвышался на другом конце долины, приблизились к путникам и закружили над ними.

Мужчины зачарованно смотрели на огромных черных птиц.

Наконец один из воронов подлетел так близко, что можно было заглянуть прямо в его мерцающий, угольно-черный глаз. Затем, взмахнув широкими блестящими крыльями, птицы вернулись на утес, где, видимо, было их гнездо.

Французы переглянулись и продолжили путь.

— Деревня кажется безлюдной, — заметил Ив.

— Уже далеко за полдень. Все, наверное, ушли на вечерню.

Посреди домов виднелась небольшая церковь. Она не была похожа на католические храмы Франции. Из этого путники сделали вывод, что оказались в православной стране.

Они достигли дна долины, и там местность выровнялась. Ехали медленно и нерешительно.

«Что за странный лес, — думал Ив, холостяк лет тридцати. — Он сводит меня с ума».

Его дядя, всего десятью годами старше, тоже был закоренелым холостяком. У себя на родине оба снискали репутацию жизнелюбов и бабников и весьма этим гордились. Но теперь все, что имело отношение к родине, казалось далеким как во времени, так и в пространстве.

Они знали, что туда уже не вернуться.

— Где-то здесь должен быть город, — сказал барон. — Румыны называют его Клуж, венгры — Коложвар, австрийский император — Клаузенбург. Это главный город уезда Зибен-

бюрген или Трансильвании. Там говорят по-немецки. Ну и мы с тобой тоже немного говорим по-немецки. Не могу понять, почему мы до сих пор его не нашли! Сколько еще бродить по этим горам и лесам у черта на куличках, где тупые крестьяне не понимают даже жестов?

Барон не задумывался, что сам виноват в том, что от него все шарахались. Он выглядел и вел себя так, что люди предпочитали с ним не связываться.

К примеру, крестьянин, которого они недавно встретили на перекрестке, сразу понял, что два надменных господина едут не в ту сторону.

«Это не мое дело, — подумал он. — Если они хотят в дикий лес, что ж, пусть». И спокойно двинулся дальше. Он не был дурным человеком, просто никому не хочется, чтобы на него кричали, как на собаку.

И вот французы оказались в глухой деревне с темными черепичными крышами. Окна домов смотрели в сторону от проезжей дороги, поэтому селение поначалу показалось им мертвым. Они медленно ехали по главной улице, пока не увидели далеко впереди край долины.

— Смотри, — сказал Ив, — издали все казалось просто зарослями, но это нормальная дорога!

— Да, правда. Дорога поворачивает за утес, так что, возможно, нам и не придется возвращаться. Нужно добиться от местных идиотов, чтобы они объяснили, как доехать до Клаузенбурга.

— Они называют его Клуж, — поправил Ив.

— Да и черт с ним. Местные вряд ли понимают цивилизованный язык — я имею в виду немецкий. Смотри, солнце зашло за холм! Будь я проклят, как здесь жутко. Что за богом забытая дыра! Неужели деревня заброшена? Тысяча чертей!

Ив задумался.

— Я вот о чем подумал. Австро-Венгерская империя не особенно велика. Вдруг мы проехали ее насквозь и оказались в какой-нибудь совсем дикой, варварской стране!

— А ведь ты прав! — кивнул барон. — Помнишь графа, с которым мы общались в Будапеште? Это он посоветовал ехать сюда, поскольку там у них тоже беспорядки и революция. Сказал, что Османская империя начинается к юго-востоку от Зибенбюргена. Лучше не связываться с турками, с ними шутки плохи.

— Посмотри, там люди!

Они въехали на небольшую мощеную площадь. Было ясно, что именно здесь местные собираются после тяжелого трудового дня. На площади даже была гостиница — туда-то им и нужно, поэтому настроение у путников улучшилось.

Услышав цокот копыт по булыжной мостовой, местные замолчали, повернувшись к прибывшим.

Барон и Ив видели множество ярких традиционных костюмов на пути через Европу, но

здесь все были одеты мрачно, в черное, коричневое и другие оттенки земли и камней. Женщины до ушей закутались в черное, из-под многочисленных платков и шарфов виднелись только их суровые изможденные лица. Кожа мужчин походила на окаменелое дерево.

Их было совсем мало. Большинство составляли женщины.

Французские аристократы остановили лошадей и окинули взглядом толпу. Над площадью повисла тяжелая тишина, стороны внимательно рассматривали друг друга. Сумерки опускались на удивление быстро.

— Эй ты, — повелительно обратился барон к мужчине, которого принял за хозяина гостиницы, потому что тот прикрывал живот широким фартуком. — Подойди сюда!

Мужчина неохотно подчинился.

— Ты говоришь по-немецки? — взревел барон, полагая, что единственный способ достучаться до таких людей — это говорить с ними громко и повелительно.

Хозяин постоялого двора пожал плечами. Поскольку все вокруг молчали, барон заключил, что здесь говорят только на местном языке. Так что придется ограничиться энергичной жестикуляцией, чтобы получить стол и ночлег. Всего на одну ночь.

Казалось, жесты были поняты и они получают то, что просят.